

А. РОМАНОВ

РС

Р69

І 483990

сбыва
могов

НОВАЯ
КНИГА
ЛИРИКИ

Н.Ю. и альб

Т 4 83 990

Стихи
и побывы

ВОЛОГОДСКАЯ
ОБЛАСТНАЯ
БИБЛИОТЕКА

Вологодское Книжное Издательство
1961

P2
P-69

Александр Александрович Романов родился в 1930 году в дер. Петряево Сокольского района Вологодской области.

Написать стихи начал еще в школьные годы, сначала печатался в местных газетах и литературных сборниках. После окончания в 1952 году Вологодского педагогического института ушел на работу в областную молодежную газету. Поездки по родному краю обогатили кругозор поэта, дали новый толчок к творчеству.

В 1956 году в Вологде выходит в свет первая книга поэта «Признание друзьям», в 1959 году — второй сборник «Утренние дороги». Его стихи печатаются в центральных журналах «Нева», «Новый мир», «Смена», «Молодой колхозник» и других.

«Сыновья любовь» — третья книга поэта. Александр Романов — член Союза писателей СССР. Сейчас он учится в Москве, на Высших литературных курсах.

*...Если бы имели поколенья
Свои гербы, то был бы наш таким:
На фоне неба и земли — дорога,
И человек, шагающий широко,
И серп и молот золотом над ним!*

НАШИ МАТЕРИ

1

Да, наша легкодумность молодая,
Как вербное цветенье, опадает.
Уже теперь, когда о чём-то судим,
Глубинко добираемся до сути.
На древо жизни, как сказал бы Гёте,
Мы смотрим и в восторге, и заботе
И к яблокам, различно золотистым,
Висящим на бесспорных ветках истин,
Мы тянемся, чтобы самим отведать —
Их не берём уже из рук соседа.
Мы бродим по Загорскам и Колоннам
И чувством переполнены огромным,
Не праздно бродим, любопытства ради,
Как те, что отобедав в ресторане,
Глядят на мир, который в камне замер,
Холодными белками кинокамер.
Нет, распахнув свои глаза в полнеба,

Мы бродим, чтоб понять себя полнее!
И память, что разбужена сердцами,
Далекое рисует перед нами.
Родна земля, ты, видно, осиянна
Очами тех, ушедших россиянок,
Глубокими и синими очами.
Мы эти очи в далях различаем
И видим в них и молодую радость,
Ту, что потом в березках оставалась;
И светлое раздумье в легкой дымке,
То, что потом опало на рябинки;
И вдовью неразгаданность печали,
Ту, что потом ракиты переняли;
И горькую супровость и решимость.
То, что с годами в елках отразилось.
Как всё далёко это и как рядом —
От стертых плит и до горящих взглядов,
Как всё утеряно и, между тем, как живо —
В распаханных холмах и наших жилах!
... На карточки мы смотрим, где засняты
Отцы — не как отцы, а как солдаты.
В последний раз увиденные в детстве,
Оставили нам снимки, чтоб взглянуться.
На матерей глядим — какие лица!
И в сердце память горькая стучится.
Они не со страниц поэмы славной
Услышали, как плачет Ярославна.
К ним этот плач достиг через столетья

Со страшными вестями в сорок третьем,
И ветры вновь с высоких стен России
Тот плач миллионоустый разносили.
Какие молодые Ярославны
Тогда навек одни остались с нами!
И красота, что с гордостью носили,
Впервые им казалась не под силу,
Невмоготу казалась временами.
Они ее, как горе, проклинали
И затемняли скромными платками,
Кофтёнками из довоенной ткани,
Фуфайками солдатского пошиба
И сапогами грубыми, большими.
Как нелегко им это всё давалось —
Их красота лучисто вырывалась.
Как буйно вырывалась на покосах
Под мерный шаг, под взмах стальноголосый,
Под шумный дождь травы, летящий справа.
Когда ни стать, ни волосы поправить...
Как на морозе вырывалась дерзко
Под звон пилы на улке деревенской
Иль в ельнике смолистом, где кряжами
Скрипевшие дровёнки загружали,
Иль где-нибудь еще, когда об этом
Подумать даже ни секунды нету...
Они такую тяжесть поднимали,
Которую за все года едва ли
Кому еще досталось полнимать!

Да, в них тогда сказалась эта стать,
Которая из века век в России
В одном ряду и с красотой, и силой!

2

Приезжают к нам матери в города
И в гостях начинают дни коротать.
Но сб этом ни слова не говорят —
Выдают их руки, выдает их взгляд.
Уходя на работу, к делам своим,
«Отдохните, мамы», — мы говорим.
«Ладно», — скажут они и помашут вслед
По знакомой привычке далеких лет.
И, как раньше, долго у окон стоят,
И, как раньше, у них туманится взгляд.
Что им видится в этот рассветный час?
Может, то, как они собирали нас,
Собирали в дорогу, после войны:
«Без отцов живете — учиться должны».
И костюмы отцовские перешли,
И последний запас муки порешив,
Собирали в дорогу, махали вслед
По нелегкой привычке военных лет.
Мимо рыжих берёз, зелёных прудов,
Мимо крыш, покосившихся от годов,
Мимо школ семилетних, в окнах на юг, —
Деревянных и скромных храмов наук

(Поклониться тогда бы и кепки снять,
Перед этими окнами постоять,
Но прошли мы, и скрылись они из глаз.
Вы простите за то, семилетки, нас!
Глупы были тогда, того не учли,
Что для нас здесь лежит начало земли).
Мимо речек, в которых черна вода,
Шли, держась за подводы, туда-туда,
Где над лесом тянулись издалека,
Будто с сеном возы, одни облака...
Может, это и видится материам
В час, когда провожают нас по утрам.
Ну а, может, другое — столько дорог
Никто, кроме них, и запомнить не мог.
Всю жизнь — ничего не поделаешь тут —
Уходят сыны, а матери ждут.
Но я ради правды готов утверждать,
Что так никому не пришлось еще ждать,
Как женщинам русским, которых война
Науке таксий обучила сполна.
И не год, и не два, а почти что пять
Ждать и верить, и вдруг навсегда терять.
А потом каменеть и шагать сквозь дни,
Словно выжженым лесом, одним-одним.
А потом в душе ощутить средь забот,
Как зелёная травка надежды растёт,
Поглядеть на сынов, на босую рать —
И опять за науку трудную — ждать!

И во имя их, затянувши ремень,
Ждать хороших погод, хлебов, перемен,
Ждать и верить, и всё, что иметь, отдать.
Кто еще так умеет на свете ждать?!

... Уходя на работу, к делам своим,
«Отдохните, мамы», — мы говорим.
«Ладно», — скажут они и помашут вслед
И в окошко, вдогонку: «Ждём на обед!»
Это праздник души — ждать усталых нас,
Подавать с подогретой водою таз,
Выносить вышитые нам рушники,
Любоваться нами: как отцы — крепки!
Наливать добрых щей, ломтей нарезать
И почувствовать вдруг — влажнеют глаза.
И смахнуть незаметно слезу с лица...
Только так бы вот ждать — всегда, до конца!

3

В городских домах непривычно, тесно.
Высоко от земли сынов занесло.
Только блага и есть, по словам матерей,
Что отсюда, из этих окошек, видней.
Но полы вот... Да разве это полы?
Как ни ступишь куда — всё углы да углы,
Как ни ступишь куда — так квадратный метр,
А шажками ходить — так привычки нет.
То ли дело у них, в пятистенках, полы —

Как поляны берёзовые, белы!
И какая по ним — знают все — благодать
По прохладным, по чистым босому ступать!
Правда, в городе ванны — с работы придешь
И включай на здоровье свой собственный дождь.
Ну, а всё-таки баньки, пожалуй, милей,
Где шипуче, трескуче стекает с камней
Первый жар. Он стекает, стегая в бока,
Он стегает в бока — не повалит пока..
Что ж, у них, матерей, свой, конечно, резон —
Он, по нашим понятиям, чуть приземлен.
Только матери всё же — никак не поймем,
Говорят не о быте — совсем о другом.
Нам давали они имена неспроста.
Не затем, чтобы только внести в паспорта,
Не затем, чтобы только потом адреса
Без ошибки могли земляки написать.
Нет, не зря, с добрым умыслом наедине
Из созвучий имен, что в родной стороне
Век из века, пленяя, плывут и звенят
Выбирали они имена для ребят
Только те, что, значительным смыслом светясь,
Утверждают собою далекую связь!
Так и стало. И речь вот об этом идёт —
К сыновьям присмотреться подходит черёд.
И глядят, укрепившись в своей правоте:
Сыновья — и те, и вроде — не те.
По душе матерям, понимающим труд.

Что теперь и сыны мастерами слывут.
Мастерами слывем — мы постигли металл,
Разбудили в нем ритм, и он музыкой стал!
Мастерами слывем — даже камень простой
Возвеличили мы, и он стал красотой!
Мастерами слывем — это первыми мы
В удивлённых зрачках из космической тьмы
Принесли отблеск звезд и оставили там
Свой прищуренный взгляд, обращенный к мирам!
Наша слава громка. Только славой своей
Мы обязаны много рукам матерей.
А об этом скажи — и смутятся они.
Не балованы славой, всё больше в тени.
Им казалось и не было веры сильней,
Что земля, вся земля состоит из полей.
И что нету на свете прекрасней судьбы,
Чем в полях, солнцем вытканных, мастером быть.
И теперь, видя в нас мастеров, но иных,
Понимая нелепость упреков своих,
Всё же молча порою они загрустят
И начнут собираться — недолго гостят.
Кто уж кто, а они загрустят неспроста —
Чуют явственно сердцем — ложится черта
Между нами и ними в положенный срок.
Это нам, может быть, лишь пока невдомёк.
Незаметно, с годами, ложится она,
Отделяя и судьбы, и времена.
Та черта, оттеняя собой всё сильней

Разность вкусов, привычек и дел сыновей.
Понемногу теряем, что дорого им.
И что надо хранить бы, порой не храним,
Забываем нередко, откуда пришли,
И за башнями домен не видим земли.
А земля широка — там, где облачка след,
Только там, в синем мареве, сходит на нет.
А земля золота — только руки приложь —
И тяжёлыми слитками вымахнет рожь!

1

Чудно — уже теперь отцами стали мы,
Но, как и раньше, в нас дороги дальние
Бродяжной неуёмностью бурлят.
И тещи, навострив прицельный взгляд,
Нам говорят: «Пора бы посолиднеть,
Пора бы на осёдлость — меру знать...»
Но мы землей проходим, словно ливни,
Чтоб отзвенеть и всё земле отдать!
И если бы имели поколенья
Свои гербы, то был бы наш таким:
На фоне неба и земли — дорога,
И человек, шагающий широко,
И серп и молот золотом над ним!
Трубят на перегонках электрички,
У пристаней раскатисто и зычно
Стальные глотки катера дерут,

Грузовики дрожат от нетерпенья,
Чтоб снова в путь рвануться поутру,
И нам опять в высоких учрежденьях
Скупые, молчаливые кассиры
Отсчитывают звонко и красиво
В точь до рубля положенный баланс —
И ветры вновь причесывают нас...
... Простите, мамы, что мы редко пишем,
А если пишем, то не вам сначала.
И в письмах нежности, которой дышим,
Уже для вас мы оставляем мало.
... Простите, мамы, — ваши дни рождения
Мы путаем порой и забываем,
И «молнии» хорошего значенья
Но после «грома» часто посылаем.
... Простите, мамы, — обещаем много,
Но редко обещанья выполняем,
Что, мол, заедем в гости по дороге
И посидим наедине за чаем.
Мы вас не одарили так, как надо.
За вашу долю трудную солдаток!
Но копится, отстаиваясь, нежность
У нас в сердцах, как будто в родниках.
И мы её с дорог, издалека,
Несём для вас уже щедрей, чем прежде, —
И мы для вас опять всё те же, те же...
Да славится на белом свете
нежность!

* * *

Как услышу я знакомый говорок:
«Наша Вологда — хороший городок!» —
Словно ветерком обдует сердце,
Теплым, чистым, хвойным ветерком,
И от грусти никуда не деться:
Жалко расставаться с земляком.
Как да что там? — на ходу вопросы.
А перед глазами — все одно:
Улочка. Снега. Рассвет морозный.
И твое кудрявое окно.
Будто бы деревья, над домами
Стынет дым, белес и недвижим.
А деревья вдоль посадов сами
Цепенеют, словно дым.
Ты проходишь в этот час под ними,
Задеваешь ветки невзначай,
И пушится, как бывало, иней
Горностасм на плечах..

Почему-то вижу только это,
Слушая рассказы земляка
О кварталах, выросших за лето,
О домах, глядящих с высока.
Видно, так порой бывает с нами:
Спрашиваем мы про города,
Слушаем, дивясь, а вспоминаем
В них кого-то близкого всегда.
Так и я — вот задаю вопросы,
Ну, а сам — в далеком далеке...
Вологда моя светловолосая
С искоркой-снежинкой на щеке!

483 990

КИНОЖУРНАЛЫ

Сергею Викулову

Мы полюбили в людных залах
Средь наступившей тишины
Сперва смотреть киножурналы
О людях, о делах страны.
И удивительное дело,
Что эти новости подчас
Нас больше за сердце заденут
И большему научат нас.
Кого же упрекать за это,
Что мы порой находим их
Прекрасней сказок многоцветных,
Крупноэкранных и иных?

Сидим с тобою в чутком зале —
Ты — шляпу, я кепчинку мну —
И смотрим влажными глазами
В мерцающую тишину.

А там спокойно, безбоязно
Над стрежнем, где ревет вода,
Висят, качаясь, верхолазы
И тянут, тянут провода.
Но вот уже через минуту
Иное трогает сердца —
В степи сугробной, неуютной
Дрожат от ветра деревца.
И первый след машинный рядом,
И люди снегом руки трут,
И, кажется, веселым взглядом
И нас туда, к себе, зовут.
У них негромкие фамилии,
Они немного смущены,
Что вот, под стать артистам, в фильме,
Самих себя сыграть должны.
Но как сыграть, коль жили прямо,
Лишь безыскусственность любя,
Не для хвалы, не для экрана,
И малой частью для себя,
Они снимались все когда-то,
Но лишь на карточках простых
Для вузов и военкоматов,
И так, на память — для родных.
А тут — кино. Как не стесняться?
Но раз должны — так уж должны.
И вот они идут сниматься
Теперь на память для страны.

Они — немало их в России —
И на заводах, и в полях
Неподражаемо красивы
В своих неписанных ролях.

КАК БУДТО КРАСНЫЕ ПОДСОЛНУХИ..

Как будто красные подсолнухи,
Стоят торшеры у стены.
И кресла, чуть освещены,
На лапах дремлют полусогнутых.
В слегка притущенном свечении
Проходят женщины скользя.
Их платья хитрые, вечерние
У многих серебрят глаза.
Они приходят, чтоб понравиться.
Мужья, уставши их стеречь,
Порой не замечают разницы
В чередованье этих встреч...
До них ми с, вроде, дела нету.
Но как могу я промолчать,
Когда подумаю, что где-то
Вот в этот вечер, в этот час
Спешат по тропочкам завьюженным
Девчата, наскоро поужинав,

За передрогшие посады
К дворам, на еле слышный зов,
Лишь, может, в сердце подосадуя
На темень здешних вечеров.
Они не модные, не стильные,
А настоящие они!
Поля российские растили их.
И тем полям они верны.
Они такие — всё в них по сердцу,
Всё — до витка кудрей.
Они такие — в песню просятся,
Лишь только спеть сумей!
... Садятся женщины за столики
И говорят о том, о сем.
Для них народ — понятье только,
Понятье смутное притом.
И я предвижу их ответы,
Лишь только речь в упор зайдет
Когда-нибудь на тему эту:
«А что? Мы — не народ?»
И тут на миг представлю только,
Когда б сюда пришли с проселков
Те, что спешат среди снегов,
То закачались б эти столики
От их красивых кулаков!

ПО ВОЛЕ НАШЕГО ПАРТКОМА...

Валерию Дементьеву

По воле нашего парткома,
Как добрый знак, что я в чести.
Мне предложили в этом доме
Кружок политики вести.
Кружок политики текущей —
Мудреный, так сказать, кружок.
И вот я вновь в народной гуще.
Среди забот, среди тревог.
Уборщицы и кастелянши,
Да с ними слесарь и монтер,
Приходят поутру пораньше,
И начинаем разговор.
Я о событиях недели
Касаюсь коротко сперва
И, чтоб мои слова задели,
Ищу простейшие слова.

Названья дальних стран так странны.
Старушки, век проживши свой,
Об этих землях, этих странах
В кружке услышали впервый.
Я говорю: Народ на Кубе
Забрал, как мы когда-то, власть,
Враги с Америкою вкупе
На Кубу собрались напасть.
И вижу я — мрачнеют взгляды,
И боль кубинская близка.
И кто-то говорит, что надо
Помочь, не поздно же пока.
Но тут упрек несмлый слышу:
«Всем помогаем — нам почет.
Спешим покрыть чужие крыши,
Забыли, что своя течет...»
Молчанье тягостное длится.
Я жду, какой дадут ответ.
Грсвожно вглядываюсь в лица —
На них раздумчивости след.
Вот начинает тетя Глаша:
«Ведь и в семье ведется так,
Что братьям младшим, сестрам младшим
Всегда опорою — большак.
Он, может, сам живет не очень,
Порою не легко живет,
Но долей младших озабочен —
Уж так завел у нас народ...»

Народ — как наш! Ему понятна,
Ему неслыханно близка
Живущих в землях тридевятых
И боль, и радость, и тоска.
И я дивлюсь его любовью,
Его терпением дивлюсь,
И я горжусь, что эту долю
Несет достойно наша Русь!

ЛЕСНОЕ

Порою злости не сдержу я,
Когда в квартире городской
На новичка глядят с тоской,
С высокомерием дежурным:
«Мол, кто ты, собственно, такой?»
И тут припоминаю снова,
Обиду светом заслона,
Покатость крыш села лесного,
Где знают хорошо меня.
Где вычерчены даже ночью
И в темноте отражены
Березки — проблеском молочным,
А сосны — проблеском ржаным.
Лесное, милое Лесное,
Когда б не ты в моей судьбе,
Я, верно, ничего б не стоил,
Мне оставалось бы простое:
Молчать, теряться и робеть.
Но нет, не нам с тобой теряться

В кругу всеядных знатоков.
И не в кудрях аллитераций
Мы видим качество стихов.
Как подтвержденье наших слов
Леса за нами громоздятся!
Просмолено там всё: посады,
Стволы певучей прямизны,
Ладони, жесткие от ссадин,
И судьбы там просмолены.
Подтекстов путаных не любят
И не кирсанят там язык.
Уж если скажут — напрямик,
Как будто напрочь елку срубят.
И если же подкатит к горлу
Беда какая иль тоска,
Мне средь пустых, лощеных, гордых,
Как вижу, нечего искать.
В вокзал ввалиюсь с толпою снова,
Тепло, по-нашински одет
И попрошу: «Мне до Лесного
Один какой-нибудь билет!»

ВЫТЕГОРЫ

Проезжали вы те горы,
Где клубятся сосняки,
Вас встречали вытегоры,
Молодые лесники?

Да, в душе не отзвучали
Те слова, что любят тут:
«Разогреешь душу чаем —
Всё селей дела пойдут».
Угощали всюду с жаром
Лесорубы земляка
За столом — из самовара,
У костра — из котелка.
... Опрокидывались сосны,
Рассекая облака,
От натуги выли тросы.
Гнулся борт грузовика.
Полыхали жаром лица,
Шла работа — как гульба.
И снежинки на ресницах,

И хвоинки на губах...
Всё — до дальней тропки лосьей —
Всё вам по сердцу пришлось
В золотистых избах сосен,
В белых горницах берез.

И ВОТ ОБЪЯВЛЯЮТСЯ ТАНЦЫ...

И вот объявляются танцы,
Пол вымыт, натерт до глянца
Веником да песком.
Здесь каждого знают, как просеку, —
Люди свои кругом.
Уже и амурские волны,
Бушуя, катятся к нам.
И, крышу подняв, радиола,
Как парус, плывет по волнам.
Но круг пустует покуда:
Девчата в сторонке стоят,
Сияют и ждут ребят,
А те возле двери курят
И медлят, и мнутся что-то.
О, эта робость парней,
Не робких в любой работе,
Отлично понятна мне!
Сейчас до чего ж неловко,
Застенчиво в круг идут:

На девушких не спецовки —
Обновки ситцем цветут.
И парни, словно впервые,
Глядят на девичью стать:
Ну, впрямь Аксиньи лесные,
Как к ним подойти, как стать?
Стеснительно и неброско
Выводят в круг, на простор,
И смотрят в окно березки
На танец своих сестер.
Потом, не боясь простудиться,
Сбегают пары с крыльца.
Бледнеют от близости лица.
Томятся желаньем сердца.
И парни, бостоны набросив
На зябкие плечи девчат,
Уводят их утро встречать
В зеленые сумерки просек.
А там наклонись, погляди-ка —
Брусника на кочках подряд.
И губы — причем здесь брусника? —
Бруснично и жарко горят.
И чтоб ошибаться не смели
Девчата в предутренний час,
Вдогонку им старые ели,
Как матери, шепчут наказ.

ЕЛЬ

Ель качнулась медленно и грозно
От одной звезды к другой
И, вершинку опалив о звезды,
Накренилась темною пургой.
Тяжело, космато, как в раздумье,
Не спугнув на прутике клеста.
А потом пошла снижаться шумно,
Каждой веткою свистать.
Каждой веткой негодуя,
Каждой веткой на лету
В небе гычёртив кривую
И последнюю черту.
Окончательно теряя
Всю заносчивость свою,
Очертания стирая,
Превратясь в одну струю,
Все быстрей.
Все ниже,
Ниже,

Понимая,
Что не выжить.
Вот уже подлесок,
Мох,
Кочки —
И
Тяжелый вздох!

ЖЕНИТСЯ НА ЧАЛЬНИК ЛЕСОПУНКТА

Жил в лесу и думал часто,
Что, наверно, ходит счастье
На каблучках — на гвоздиках,
Небольшого ростика.
С челкой модной, маленькой.
И в глазах с лукавинкой.
И оно не здесь. А безусловно
За тремя морями вдалеке:
За морем березовым,
За морем сосновым,
За морем еловым в городке.
Люди звали в гости
хлебосольно,
Только он чуждался до поры.
Полыхали свадьбы на поселке,
Как веселья шумного костры.
Говорили люди уважительно.
Намекали люди про невест:
Одному да в нашем общежитии

Неужели жить не надоест?
«Личная свобода — это благо, —
Он бросался шутками не раз, —
Пожениться — молодость
оплакать.

А таких хватает и без нас...»
Пропадал в лесах, а поздно
вечером

Пасмурно вышагивал
к диспетчеру.
Сам звонил, просил порожняка.
И стояла рядом — делать
ничего —

Машенька, диспетчер,
не привечена
И смотрела нежно и доверчиво
Сбоку на него, широкоплечего,
На него, усталого слегка.
Всksре вдалеке, на нижнем складе,
На дежурствах стали замечать,
Что в лесу с диспетчером
неладно:

Засыпает, видно, по ночам.
То молчит, как будто
потерялась.
То ответит невпопад она.
Спрашивают: «С кем там
целовалась?»

В трубке слышно: «Что вы,
я одна...»
... Новость. словно почечка,
проклюнется,
и ее — уже глядишь —
по улицам
В клювиках синицы понесут.
«Женится начальник
лесопункта!» —
Лесопункт заговорил вовсю.
Не лосята стукались рогами —
То столы сдвигали впопыхах
Не цветы носили ворохами —
Скатерти стелили на столах.
Подымали гости
Хитроумно тосты,
Золотились на стаканах ободки.
Всё казалось горьким,
Всё — до хлебной корки.
Всё горчило, объясненьям
вопреки.
Заступались свахи: «Ну чего
еще,
Сколько ж можно, пожалейте
их...*
Но вставала Маша, как
черемушка,
И, как ясень, вырастал жених.

И глядели старики придирчиво:
«Девки, словно ягоды, растут.
Вот у нас пошли какие
нынче-то —
Власть и на начальников
найдут*.

РУССКИЕ ДЕРЕВНИ

I

Сколько их на Руси поставлено,
Деревенек и сел бревенчатых.
Подпоясанных палисадами
И рябинами, увенчанных!
То речушки со щучьими плёсами,
То леса их к себе привадили...
Широко по земле разбросаны,
Словно дети одной матери.
И в озерах ржаных да клеверных
Чередуются, будто пристани.
Еле слышные — ближе к северу,
Ближе к югу — голосистые.
Среди них одинокими вехами
Есть такие, что глаз не радуют,
Пассажиры давно все уехали
И не взяли билеты обратные.
Где они и в какой же гавани;

У каких маяков прописаны?
Смотрят вдаль, за леса, не мигая,
Позабытые эти пристани.
Между ними, будя минувшес,
Там и тут церквушки на склонах
Кораблями лежат затонувшими
И белеют на дне зеленом.

II

Кто жил в селе, тот знает,
Легко понять без слов
Характеры хозяев
По облику домов.
Гляди — на бабку древнюю
Похожа та изба.
Плыут цветы по дереву,
Старинная резьба.
А вон за палисадом,
От краски полосатом,
Иного склада дом:
С простецким мезонином,
С распахнутым крыльцом,
Стоит и взглядом синим
Он смотрит на друзей,
Как парень в картузе.
... Я с малых лет к деревне
Любовь свою несу

За мудрое терпенье,
За строгую красу.
И за ржаные реки.
За клеверный уют,
За то, что век от века
Здесь мастера живут.
Петряево, Налимья,
Житково, Бор Петров..
То прозвище, то имя
Не тех ли мастеров?
Никто о них не знает,
Они легенд древней
И живы лишь в названьях
Российских деревень.

СИДИТ СТАРИК НА МЕЛЬНИЦЕ...

Сидит старик на мельнице,
Бывальщины плетет.
Не веришь, да поверится,
Присядешь у ворот.
И сам он — как бывальщина,
С дремучей бородой,
Которую отрашивал
С последней мировой.
Вот снова быль у старого,
Как зайцев загонял
Зимой, бывало, стаями
Во двор, на сеновал.
И, к слову, быль военная,
Как гнался за вражьём
Под Прагою и Веною
На танке на своем...
И быль за былью вяжется,
И былям нет конца.

Что прожито — то скажется
Заденет за сердца.
Ведь было в жизни всякое:
И радость, и беда.
От горя редко плакали,
От радости — всегда.
Полсвета исходили мы
Не ради красных слов.
И веет, веет былями
От прожитых годов.
...Сидит старик на мельнице,
Бывальщины плетет.
Не веришь, да поверится,
Присядешь у ворот.

ДИПЛОМАТ

По воле страны за границей
Он плавал по синим морям
С визитами к шахам и принцам.
И даже порой к королям.
Высокая служба и почесть --
Россию представить собой.
Он выше был всяких высочеств
С мандатом Державы такой!
Он ездил по белому свету,
Куда ни послал бы народ.
Но вот дипломату на лето
Правительство отпуск дает.
Уже Подмосковье и встречи,
А после деревня, где мать.
Куда добираться не легче,
Чем в дальней стране побывать.
Усталый от дела большого,
От шумных дорог и путей,
Деревнею молодо шел он,

Приветствуя старых друзей.
Садились под липы, курили
И, выпив за встречу вина,
О хлебе, политике, мире
Вели разговор допоздна.
И слушая их, бородатых,
Он так отмечал про себя:
А все ж мужики — дипломаты.
Не хуже, пожалуй, чем я.
Мы знаем — тебе, мол, не просто:
У них на уме барышни.
Но ты на язык — тоже острый,
Не лыком, как сказано, шит.
Когда ж не хотят полюбовно
Беседовать с глазу на глаз,
Ты кое о чем им напомни
И прямо ссылайся на нас!

В ДОМЕ КРЕСТЬЯНИНА

Какой-нибудь важный бездельник
Сюда иногда завернет
И требует номер отдельный,
Мол, в общем — там всякий народ.
И в Доме крестьянина сутки,
Лишь сутки покрутится он,
Считает уже не на шутку:
К крестьянству и я приобщен.
Ну, что ж, приобщись на здоровье.
Подумай, представь хоть на миг,
Что рядом с тобою — герои
Еще не написанных книг.
В дороге пробыв спозаранку,
Шоферы усталые спят,
Порою, как всевь за баранкой,
Руками во сне шевелят.
А рядом, наверное, плотник:
(Не стряхнута стружка с волос)
Видать, до работы охотник:

Заснулось — как лечь привелось.
За стенкой, обклеенной, тонкой,
Раскинувши руки в тени.
С улыбкой заснули девчонки,
Быть может, доярки они.
... Все спят. Лишь в дежурке не спится
Хозяйке всю ночь напролет,
Которая тем, кто стучится,
Хорошие сны выдает...

ПЛЯСКА

И откуда взялась такая!
Только вышла она на круг —
И гармошка ахнула вдруг
И застыла в руках, немая.
Но только — на мгновение.
И, волю дав ладам,
Восторг и удивление
Ей бросила к ногам.
До чего ж стройна,
До чего ж бела,
До чего ж красива!
Ветер в косы заплела
И летит-дробит она,
Загляделось полсела
Диво!
«Не спою, как соловей,
Спою, как соловьиночка.
У высоких тополей
Послушай, ягодиночка!»

Запоет — так не случайно:
Каждой песне адрес даст.
В каждой песне — сердца тайны,
Разгадайте, кто горазд!
Гармонист, бывалый парень,
Уж на что сердец знаток,
Только щурился вздыхая,
Разгадать никак не мог,
Для кого поются песни,
Для кого румянец щек?
Может, ей одной известно,
Да известно ли еще?!

ПАРНИ

Усталость на плечах несут ребята к дому,
Но эту ношу им нести легко:
Горячий запах сена молодого
У них хранится в складках пиджаков.
Они идут, довольные собою,
И делятся последним табаком.
По их следам примятою травою
Туман струится белым ручейком.
Они идут спокойно, как ведется,
Всегда в лучах, когда ни посмотрю —
Утрами на зарю идут, под солнце,
А вечером под солнце, на зарю.

* * *

Люблю эту пору особо —
Плакаты зари над рекой,
Звук первой косы, словно проба,
За первым, помедлив, — второй.
А там — нету праздника краше! —
Трава, встав косцам поперек,
На молниях кованых пляшет,
Хмелеет и валится с ног.
Нам по сердцу дело такое —
До пояса в теплой росе,
Пластаем траву за рекою,
Как братья, как близкие — все!
Есть что-то хорошее в этом:
Костерик дымит у сосны,
Там чай и обед разогреты.
И тень — островок тишины.

* * *

И младший сын уже оставил дом.
Его на пристань провожать пришла,
И только тут заплакала при нем,
В последний час сдержаться не могла.
Тебе никак не верилось сперва,
Что сын-то, даже младший,— уж солдат.
Острижена, как в детстве, голова...
Ах, годы, годы, как они летят!
Давно ль, скажи, изба была тесна,
Когда семья сбиралась в поздний час?
А с пристани теперь зашла одна —
Огромной показалась в первый раз.
Ушли сыны на разные дела.
По-матерински ты могла понять,
Что срок пришел, и это позвала
Их от тебя уже другая мать.
Она сынам оружие дает,
Погоны пришивает, ставит в строй.

Она выводит сыновей в полет,
Их осеняя красною звездой.
А как по-матерински ей не знать,
Как ты грустишь, коль нет от них письма?
... В пеленках были — не давали спать.
А подросли — так не уснешь сама.

* * *

В Корбанге барометры не в моде.
Дядя Гриша, инвалид войны,
Говсрит заране о погоде
Так, что и прогнозы не нужны.
Солнце полдни жаркие венчает,
Кажется, ненастью не бывать.
Но Григорий мается ночами:
Ноют раны старые опять.
Значит, быть дождю — уходит вёдро.
Поутру он сядет у дверей
И окликнет бригадира: «Фёдор,
Окопнял бы сено поскорей!»
Фёдор взглянет на него с тревогой:
Знать, прогноз достался нелегко.
Чем помочь? Чем облегчить немного?
Нечем! Разве только табаком.
Сядет рядом и достанет «Север»:
Мол, давай, Григорий, подымим,

Ну а сено -- мы скидаем сено,
Уберём зелёным да сухим...
О, как надо нам, чтобы повсюду,
Если уж прогноз необходим,
О погоде узнавали люди
Только по барометрам одним!

РАЗГОВОР С МАТЕРЬЮ

Дни стоят, как золотые соты
Медом солнца густо налиты...
И опять на родину охота
В перелески, травы и цветы.
Брошены в багажник чемоданы,
И летит дорога, вдаль мания.
... Я на сене просыпаюсь рано,
Ну, а мать проснулась до меня.
Никогда-то зорьки не пропустит,
С малых лет привыкла так вставать
Потому то с радостью, то с грустью
Зоренькой я называю мать.
Начинает разговор неловко,
Видно, ей признаться нелегко:
«Продержать хотелось бы коровку,
Со своим жила бы молоком...»
Мама, снова ты с одной задачей.
Сглянись на много лет назад —
За тобой сквозь всю-то жизнь маячат

Круглые, на выкате глаза.
То с тоской, почти что человечьей
(Нету корма — ухает война),
То с надеждой (зимы бесконечны),
То с восторгом (озимь зелена).
Это всё мне издавна знакомо.
Так велось в деревне искони.
Для прабабки больше, чем иконы,
В трудной жизни значили они.
Ну, а ты ссбя зачем же мучишь?
У тебя совсем не та семья.
Это чувство до чего ж дремуче —
Хоть одна коровка, да своя!
... С ненавистью я смотрю на сено,
Что бугрится на дворе у нас:
На твоем плече оно висело,
Шла — глаза туманились не раз.
И на этом сене до утра мне
Не заснуть. Ты больше не зови.
Вижу в нем сейчас не разнотравье,
Вижу дни поблекшие твои.
Лучше я уйду под стог, в ночное,
Где кузнечик весело поет.
Ведь люблю я сено молодое,
Только не такое, как твое...

ЗЕМЛЯКИ

Я еду с земляками,
К их братству приобщён.
Чечёточку чеканя,
Качается вагон.
Любуюсь их руками —
Не холены в тепле.
Работа не легка им
Досталась на земле.
Они и землю пашут,
И даль миров иных,
И вся Держава наша
Покоится на них.
Толкую с земляками,
Хоть лично не знаком.
Российские мелькают
Просторы за окном.
И едут, как родные,
В деревни, в города
Запаса рядовые
И маршалы труда.

ТЕТЕРЕВ

Он только это запомнил:
Споткнулся о что-то с разбега,
Не зная, что это ладони,
Ладони доброго человека.
И только тогда поверил,
Что с ним случилось неладно,
Когда озябшие перья
Кто-то тепло разгладил.
Он так и замер от страха
И сунулся в кипень снега,
Не зная, что это рубаха,
Рубаха доброго человека.
Звенели по насту лыжи,
Вижкали на поворотах,
И он над собою слышал:
Ругал человек кого-то.
И вот, озаренный светом,
Он ринулся в тень неловко,
Не зная, что печка это.
А не старая елка.

Ему человек в охапке
Наваливал веток к ночи,
Где много влажных и сладких,
Пахнущих лесом почек.
А вскоре ранью белесой,
Когда на озера окон
Заря потекла из леса
Подснежным клюквенным соком,
Он крылья раскинул натужно,
Почуяв снова здоровье,
И красными полукружьями
Затрепетали надбровья,
И шея зобом набухла,
И рябь прокатилась шеей,
И что-то забулькало глухо.
Потом всё гуще, слышнее —
И вот исплыла из окошка,
Пугая старух суеверных,
Тоскливая песня Терешки
Над всею сонной деревней.
Он вспомнил рассвет и ельник,
И отклик, ему понятный,
И то, как черкал соперник
Крыльями снег примятый.
И всё, что было когда-то,
Вновь волновало душу...
А человек на кровати
Сидел одиноко и слушал.

* * *

Елка зеленою ракетой
Нацелена в облака.
Деревню по елке этой
Отыщешь издалека.
Давно я ушел оттуда,
В городе — парень свой.
Но это дремучее чудо
Шумит и шумит надо мной.
Я знаю — у многих ныне
Простых городских ребят
То липы, то рябины
Вот так же где-то шумят...
Когда мы бываем молоды,
Далекое снится нам.
Умом мы обязаны городу,
А сердцем — деревням.
От золотых поленниц,
Что ставят весной всегда,

Всё мое поколенье
Прошло через города.
И ныне тревожно бывает
И грустно мне неспроста —
Родных деревенек названья
Не в сердце храним —
В паспортах.

ПЕРЕД ОТЪЕЗДОМ

Лежат железные дороги —
Стальные улицы страны.
На них железно сжаты сроки,
Расстаться мы, друзья, должны.
И, видно, так всегда бывает:
Чем ближе расставанья срок.
Тем всё сильнее овеивает
Щемящей грусти ветерок.
И всё хорошее, что помним,
Что сохраним мы до конца,
Вдруг смыслом новым и огромным
Переполняет нам сердца...
В России добрый есть обычай —
Перед отъездом в дальний путь
Друзей за стол широкий кличут,
Чтоб вместе выпить что-нибудь.
И нас не упрекнут, наверно,
Что мы, обычай тот храня,

Нальем за встречи и за верность
Стакан веселого огня.
Нам расстояния не помеха,
Встреч много будет впереди.
Ведь по стране теперь проехать —
Что нашей улицей пройти!

Сердце колет стрелка часовая
До гудка за несколько минут.
Люди, провожая, уезжают,
На перронах никогда не лгут.
Если плачут, то лицо не прячут,
Радуются — кругом голова.
Если говорят о чем-то, значит,
Это неслучайные слова.
... Чтобы мне сердца словами тронуть.
Будь такой же искренней, строка,
Как вот эти люди на перроне
Перед ожиданием гудка.

ЧЕРЕМУХИ

Издалека, издалека
Я вижу вас, черемухи.
Плынут над вами облака
В спокойной очередности.
Быть может, те, что над Москвой
Неслись, грозой клубимые,
Со звезд державных взяв с собой
По капельке рубиновой.
Издалека, издалека
Я вижу вас, черемухи.
Вы сами — словно облака,
Лишь не в пути — на отдыхе.
А стоит встретить вас толкнуть,
И вы от дома нашего
Сорвётесь весело и — в путь!
Ищи потом, расспрашивай.
Но нет, ведь вы не облака,
И это только кажется.

Пуржите цветом свысока,
От белой гнетесь тяжести.
И смотрит мать, тиха, светла:
— Ну, будет ягод к осени!
От рук чужих вас берегла,
Весной в беде не бросила.
.. Бумажным ворохом слетел,
Поблекнул цвет. И к августу
На ветках только кое-где
Чернеют капли жалостно.
А где былое торжество?
В вершинах только шорохи...
И я не знаю отчего,
Но грустно мне, черемухи.

Лишь память затронешь,
Посмотришь назад —
Вокзалы, перроны
Сквозь жизнь летят.
А где-то деревня.
Одна, одна.
Черемухи дремлют
Возле окна.
И ехать-то к ней
Через две темноты.
Но тысячу дней
Собираешься ты.

* * *

Бродить всегда немного грустно
Следами детства своего...
Под сапогом валежник хрустнет —
Ты не услышишь ничего.
Перед глазами те мальчишки,
Среди которых ты и сам...
Большой, чудной, не там их ищешь
И не по тем бредешь местам.
Пройди деревней — будут встречи,
И каждый может угостить.
Ну, что ж — всё верно, всё извечно,
И надо ль, в сущности, грустить?
Но ты — чего-то ищешь странно
В лесу без тропок и дорог.
Боровики? Так еще рано,
А землянику — вышел срок...

В АВТОБУСЕ ЕХАЛА ЖЕНЩИНА

В автобусе ехала женщина.
Средь прочих — одна такая.
Лет тридцать, наверно, не меньше ей.
А, может, меньше — не знаю.
Мужчины уже со ступеньки,
Едва закрывались двери,
Совали кондуктору деньги,
А на нее глядели.
Им говорил кондуктор:
«Вперед проходите, граждане».
Они стояли, как будто
Это касалось не каждого.
Она газету читала,
Сидела в полоборота.
Как будто и дела мало,
Что ей любуется кто-то.
Но лишь ресницы густые
Она подняла устало —

Мужчины глаза опустили:
Знобко мужчинам стало.
С каким-то смутным испугом,
Себя, наверно, жалея,
Одёрнула платье туго
На смуглых, в капроне, коленях.
И встала, поправив волосы
Из солнечных золотинок,
И все расступились в автобусе,
Насколько места хватило.
Пошла и долгие взгляды
Она за собой уводила,
Быть может, сама не рада,
Что так сердца бередила...
Спасибо тебе, спасибо,
Женщина незнакомая,
Что нам про своих красивых
Ты так хорошо напомнила.

* * *

Неяркое позднее лето,
Спокойных небес глубина.
И осень — за просекой где-то,
И где-то за речкой — весна.
Но эти приметы не броски,
Соседствуют рядом они.
Порой зеленеют березки
Точь-в-точь как в весенние дни.
Но в это лишь стоит поверить.
Как вдруг из-за просеки той
Нежданно прохладой повеет..
Запахнет брусникой густой.
Листвой опалит золотою
Дома и поля налету...
И сердце поверить готово
В иную уже красоту.
Сижу я с тобой до рассвета,
Хмелею опять без вина...
Неяркое позднее лето,
И глаз, и небес глубина.

МАРТОВСКОЕ

Какие плыли крупные снежины
И гасли рядом, в травяной тиши!
... А ты-то помнишь это?

Напиши мне.

Пожалуйста, скорее напиши!
Один брожу под вечер где попало
И думаю о жизни и весне.
За городом, за солнечным
вокзалом,
Горит последним
Самый первый снег.

* * *

У березовой опушки
Замер первый снегопад.
Листья рыжими веснушками
На снегу опять лежат.
Вот и лето отпыпало,
Лето добрых трав и гроз.
Мы бродили здесь, бывало,
В белом сумраке берез.
И листва, и солнце ткали
Кружева, бросая вниз.
Золотистыми витками
Мягко волосы вились.
И дышала твоя родинка
Под кофточкой цветной,
И шептала ты мне: «Родненький».
И сразу веял зной...
Вновь снегами лес заносит,
Ни тропинки, ни следа.

И в любви не только вёсны,
И не только лишь лета.
Есть и осени, и зимы,
Но у них ведь свой черед.
Пусть зима пуржит, метет,
Лишь бы были мы любимы.

* * *

Ты мне ни писем, ни приветов
Не шлешь неделями опять.
Ужели свой характер в этом
Ты хочешь снова показать?
Ведь даже тучка золотая
На юг, что солнцем опалён,
Несет от северного края
Веселый дождик, как поклон.
А та берёзка, что воспета,
С откоса шумного порой
Листки — зелёные приветы
Всё посыпает в лес родной.
Им ветру кланяться всё надо:
Ведь «почтальоном» — только он
... А у тебя и почта рядом,
И у соседей телефон.

* * *

О тебе никто не слышал,
Речка Белая вода.
Самых тихих речек тише
Ты струишься в холода.
В сосняке свои приметы
Потеряешь ты не раз,
И тебя как будто нету,
Нету... для случайных глаз.
Но апрельскою порою
Солнце брызнет горячо.
Сундуки снегов откроет
Золотым своим ключом,
И вскипашь ты бурливо.
Речка Белая вода.
Знают лишь ольха да ива,
Как красива ты тогда.
На простор выходишь снова
И сильна, и широка.

И вмываешь в куст ольховый
Льдинки, солнце, облака.
Молодая, озорная,
Солнцем светишься до дна
И бежишь, в кустах играя.
Только озеру верна.

* * *

1

Она шумна, как прежде, средь подруг.
Но лишь теперь всё чаще с каждым днём
На полуслове замолкает вдруг
И думает о чём-то о другом.
И слушает, в себя погружена,
Под сердцем сердца нового толчки...
О, как светлеет в этот миг она,
И как подруги сразу далеки!

2

Его пока на белом свете нет,
И о себе напоминает он
Лишь только милой чередой примет,
Но к нам уже он кровно
приобщен.

Он светится давно в лице твоём,
Живет в словах внимательных друзей.

И кажется, что мы уже втроём
Сидим под вечер в комнате своей.
Но кем он будет? И в отца иль матъ?
В раздумье ночью не смыкаю век.
Пусть дочь. Пусть сын. И стоит ли

гадать,

Лишь вырос бы хороший человек.
Конечно же, приятно знать о том,
Что новый житель, радуясь, любя,
Сквозь годы будет проходить потом,
Точь-в-точь лицом похожий на тебя.
И, может, повторишься ты не раз
Чертой обличья в глубине времён.
Но не о том я думаю сейчас —
Ну, а каким же в жизни будет он?
Порою загордятся кем-нибудь,
Мол, стал каким — оклад и чин
не мал,

И забывают лишь упомянуть:
Ну, а каким же человеком стал.
Досадно это слышать. И опять
Твержу себе, что в наш тревожный век —
Пусть дочь, пусть сын. И стоит ли гадать —
Лишь вырос бы хороший человек.

* * *

На рябинах огрузли кисти.
Издалека на них посмотри —
Словно жмутся на ветках чистых
Красногрудые снегири.
Льется с неба вода угрюмо.
Без огня перелески горят,
И с берез опадает с шумом
Потухающая заря.
Только ельничек всё выносит,
Лесом зелено он идет...
К нам всё ближе и ближе осень,
Но любовь — как ельничек тот.

* * *

В лесу осеннем, как в пустом дому,
Бродить немного грустно одному.
Жильцы не взяли ничего с собою
И в спешке даже не закрыли дом,
И вот от ветра валятся кругом,
Желтая, занавески и обои,
А сколько скон оказалось здесь!
На солнце дом просвечивает весь.
И в нем средь непривычной тишины
То тут, то там топорики слышны.
Кто может быть? Уехали-то все ли?
Ах, это дятлы конопатят щели.
И в комнатах, холодных и просторных,
Где пели и трудились мастера,
Теперь, махнув крылом на ордера,
Устроились сороки да вороны.
А Михаил Иванович — домком
В подвал улегся до весны клубком.

* * *

Мир для мальчиков просто создан.
Верит сын, что под новый год
Настоящие деды Морозы
Ходят-бродят у каждого ворот.
И снегурочки, снегом увитые,
Веселятся с ними опять.
Их, конечно, можно увидеть,
Если сесть у окна и не спать.
И готов бы сидеть Серёжка,
Только клонит ко сну в тиши,
Да и мёрзнет глазок в окошке,
Хоть всю ночь на глазок дыши.
Лучше спать, чем сидеть без толку.
Знает он, что проснётся, и вот
Под подушкой или на ёлке
Непременно подарок найдёт,
Потому что деды Морозы
И снегурочки, как говорят,

Очень любят таких курносых
И таких хороших ребят...
Я поддакиваю сынишке,
Разбираю ему кровать,
А потом ухожу неслышно —
Стол пора для гостей накрывать.
Говорю, взгляд веселый бросив
На товарищей и подруг:
— Ну так что же, садитесь. Морозы
И снегурочки, в тесный круг!

* * *

Вновь по нашим северным просторам
Пролетают поезда зимы.
Елки на пути — как семафоры,
Как перроны — белые холмы.
Оставляем город многолюдный,
И под вечер нам издалека
Кочками, усыпанными клюквой,
Кажутся деревни в огоньках.
Сколько всюду снега молодого!
Лыжи торопливые скрипят.
Веет в лица молодостью снова
Даже тем, кому за пятьдесят.
Закаленней я людей не знаю,
Потому что поезда зимы
Первыми мы к югу провожаем
И последними встречаем мы.

ДНИ НЕПРОЖИТЫЕ...

Дни непрожитые, словно лес нетронутый.
Я смотрю на лес издалека:
Вон рукой подать — зеленокроная,
Легкая гряда березняка.
Не стволы, а струи родниковые
Над землею весело кипят.
Эх, березы — белые диковины,
Вы всегда мне радуете взгляд.
И, наверно, радостное что-то
В предстоящих днях сулите мне.
Может быть, удачливой работы,
Добрых встреч, раздумий в тишине?
Только что ж кончаетесь так быстро?
Хмурый ельник рвется вширь и ввысь.
Мхами и валежинами выстлан,
Сквозь него — попробуй, проберись.
Вглядываюсь я в него тревожно,
Тешу сердце думою одной:

«Ничего. Березнячок, возможно,
Просверкает вновь передо мной».
Так и есть. Окинув дали взглядом,
Вижу в белых струях островок.
И душа опять чему-то рада
И полна неизвестных тревог.

— — —

СОДЕРЖАНИЕ

Наши матери	5
Как услышу я знакомый говорок...	15
Киножурналы	17
Как будто красные подсолнухи...	20
По воле нашего парткома...	22
Лесное	25
Вытегоры	27
И вот объявляются танцы...	29
Ель	31
Женится начальник лесопункта	33
Русские деревни	37
Сидит старик на мельнице...	40
Дипломат	42
В доме крестьянина	44
Пляска	46
Парни	48
Люблю эту пору особо...	49
И младший сын уже оставил дом...	50
В Корбанге барометры не в моде...	52
Разговор с матерью	54
Земляки	56
Тетерев	57
Елка зеленой ракетой...	59

Перед отъездом	61
Сердце колет стрелка часовая...	63
Черемухи	64
Лишь память затронешь...	66
Бродить всегда немного грустно...	67
В автобусе ехала женщина	68
Неяркое позднее лето...	70
Мартовское	71
У березовой опушки...	73
Ты мне ни писем, ни приветов...	75
О тебе никто не слышал...	76
Она шумна, как прежде, средь подруг...	78
На рябинах огрузли кисти...	80
В лесу осеннем, как в пустом дому...	81
Мир для мальчиков просто создан...	82
Вновь по нашим северным просторам...	84
Дни непрожитые...	85

Редактор *В. К. Пудожгорский*

Художник *А. Д. Сысоев*

Корректор *А. В. Дзюбак*

ГЕ02949. Подписано к печати 19. 9. 61 г. Бумага
 60 × 84¹/₃₂ = 1,387 бум. л., 2,75 печ. л., 2,2 уч.-изд. л.
 Заказ 4755. Цена 11 коп. Тираж 3000. Изд. № 189.

Областная типография, Вологда, ул. Калинина, 3.

11 коп.